Свиридов умер... Трудно произнести, в полной мере прочувствовать, осознать эту утрату. И мере прочувствовать, осознать эту утрату. И потому, что вот же — его, живого, говорящего в его неповторимой манере, словно он торопится сказать что-то самое важное, — показывает телевидение, и эффект столь силен, что почти перестаешь верить переданному только что сообщению. А главное — слышишь его бессмертную музыку, которая в тебе, в нас, неотделимая часть самой души России...

ведений Мастера — уже названных мною "Поэмы памяти Сергея Есенина", "Патетической оратории", "Маленького триптиха"... Да всего не перечислишь. Я могу гордиться тем, что исполнил все произведения композитора, связанные с оркестром. Продолжив и расширив "столбовую дорогу" русской классики, композитор пошел еще дальше, создав свою, свиридовскую ветвь в нашей музыке. Он оставил не только прекрасные произведения. Он оставил своих последователей, почитателей его заветов, ряд

его поклонников, привлекает мелодичность его произведений. В них чувствуется очень русский и очень чистый человек. Эта пронзительная чистота происходит, на мой взгляд, из несуетности его жизни.

Для меня особенно дороги те его вещи, которые связаны со словом. Настоящая литература всегда музыкальна. Свиридов же умел замечательно выявить эту музыку. Его произведения на стихи Пушкина, Блока, Есенина, Бернса просто великолепны. Он возрождал чистое звучание слова...

тать. Царство Божие и мир его душе.

Дмитрий ХВОРОСТОВСКИЙ, певец:

— Декабрь держал меня в напряжении особого рода: я знал, что Георгий Васильевич в больнице, состояние у него тяжелое, звонил, как это только было возможно, Эльзе Густавовне, его жене, надеялся услышать, что началось улучшение, а улучшения все не было и не было... Сказать, что я скорблю о его смерти — это фраза не выра-

POCCUM HOTEPANIA BENUKOFO KOMHOBUTOPA

Музыка Георгия Свиридова живет в сердцах миллионов людеі на протяжении большей части XX века. Она вошла в них пушкинскими романсами 1935 года - удивительно свежими, самобытными, в которых поразительно рано нащупан его художнический язык: од новременно простой и сложный ясный и мудрый, ярко русский и впитавший в себя опыт мировой музыки, от Баха и Шуберта до Глинки и Прокофьева... Этим стилем осенено все грандиозное и разноплановое творчество Свиридова: крупные кантатно-ораториальные полотна и интимная вокальная лирика, живописно-картинные оркестровые опусы и отточеннейшая камерно-инструментальная музыка..

Свиридов трудился буквально до последних дней жизни. На вопросы любопытствующих — как себя чувствует, 82-летний композитор честно отвечал: плохо, но это все неважно — надо работать, столько замыслов, заготовок...

Как-то он сказал, что смерти нет, есть лишь пространство, через которое мы проходим, и звезды, зажигающиеся над ним.

Он прошел свой путь. И зажег звезду, которая светит нам и будет светить всетальных Свиримово

Сегодня о Георгии Свиридове говорят те, кто знал и любил его, кто знает и любит его музыку.

Евгений СВЕТЛАНОВ, дирижер, композитор, пианист:

— Георгий Васильевич Свиридов — последний великий русский композитор уходящего века. Созданное им является непреходящей ценностью нации. Гордостью нации. Нашим "алмазным" музыкаль-

Все творчество Свиридова вспоено безграничной любовью к России. Ко всему русскому, в беспредельности его проявлений.

Большую часть жизни центром интересов Свиридова являлась музыка для человеческого голоса, во всем многообразии ее жанров. Верными союзниками композитора здесь постоянно были великие русские (да и не только русские) поэты, у которых он черпал неповторимые образы, претворявшиеся в бессмертную музыку. Наряду с огромными вокально-симфоническими фресками — такими, как "Поэма памяти Сергея Есенина", "Патетическая оратория", Свиридовым созданы маленькие кантаты "Деревянная Русь", "Весенняя кантата", "Курские песни" и другие произведения для хора с оркестром. Именно Свиридов восстановил "связь времен", возродив многовековую традицию русской духовной музыки, непревзойденные образцы которой он дал в хорах к трилогии пьес А.К.Толстого, в сочинениях недавних лет.

Кроме вокальной и вокальносимфонической музыки, композитор написал несколько замечательных оркестровых сочинений. К ним я отношу "Маленький триптих", его части — это миниатюры, но, как бывает у мощных творцов, и в миниатюре удается сказать очень и очень многое. Я назвал бы здесь еще блестящую музыку к кинофильму "Время, вперед!" и чрезвычайно тонкие, стилистически безупречные симфонические иллюстрации к "Метели" Пушкина.

Мне выпало счастье быть первым исполнителем многих произ-

из которых создал превосходные сочинения. Он оставил след в сознании огромного числа людей, всей нации. Разве это не величайшая заслуга перед Отечеством? Разве это не величайшее счастье для творца?

Дмитрий ТОЛСТОЙ,

те, мы подружились.

- Мы познакомились незадол-

го до войны. Я только поступил в

Ленинградскую консерваторию,

Свиридов учился на пятом курсе. Но, несмотря на разницу в возрас-

никами", находясь под обаянием музыки Шостаковича и Стравинс-

кого. Но Свиридов и тогда прекрас-

но знал и любил русских гениев —

Мусоргского, Чайковского. Он и

мне открыл красоты отечественной

лись, разговаривали. И, конечно, о судьбах Родины. Мы были доста-

лается в стране, об ужасах и зло-

действах сталинского правления.

Отношение Свиридова к этому

Эльзе Густавовне, жене и другу Ге-

оргия Васильевича. Я хочу сказать

ей, что глубоко скорблю о потере

моего друга, великого русского композитора. Скорбь эта надолго.

Весь остаток жизни буду думать о

нем. Мне его всегда будет не хва-

В эти дни хочется обратиться к

было вполне определенным.

После войны мы много обща-

Мы были тогда немного "запад-

композитор:

музыки.

Андрей ЭШПАЙ, композитор:

— У музыкантов, у самой музыки большое горе. Ушел один из самых живых художников, утверждавший жизнь во всей ее глубине и многоликости.

Скажу парадоксальную мысль: мы иногда знаем сочинение до того, как его услышим. Оно словно всегда существовало в природе — настолько оно естественно и естественно нами воспринимается. Но так бывает только с великими, гениальными художниками — например с Чайковским. Так же и с музыкой Свиридова.

Зыкои Свиридова.
У него был сильный, своеобычный ум. Его образованность далеко простиралась за рамки музыки, и говорить с ним было потрясающе увлекательно. Его интересовало буквально все. Страшно беспокоило неблагополучие в жизни народа, страны. Он был горяч, наделен природным темпераментом, артистизмом, невероятной силой убеждения. Когда он говорил, ему непременно нужен был отклик — отсюда его знаменитая манера жестикулировать, артикуляция...

Он, перефразируя Гоголя, очень бережно нес титло композитора. И шире — звание человека.

Дмитрий ЛИХАЧЕВ, академик:

— Мне трудно говорить о Свиридове. Я не музыкант и не музыковед. Я просто слушатель. Но меня, наверное, как и множество

зит всего, что я сейчас чувствую. Для меня это очень личная потеря. Последние четыре года моей творческой жизни были связаны с его именем. То, что я пел его музыку, для меня было большим испытанием, а для него, я чувствовал, это была большая радость.

С марта 1994 года я начал исполнять его вещи, спел их и в США, и во многих странах Европы, и в Австралии. И везде это становилось огромным событием. В феврале в Нью-Йорке, теперь уже в память Георгия Васильевича, я буду исполнять в Карнеги-холле его новый цикл "Петербург". Москвичи и петербуржцы уже знакомы с ним, я пел его перед ними в прошлом году.

году.
В принципе наша совместная работа только начиналась. Я успел спеть три его крупных сочинения— "Отчалившую Русь", пушкинский цикл и упомянутый "Петербург". Свиридов был гениальным композитором, написавшим огромное количество замечательной хоровом музыки. Он хотел, чтобы я исполнил несколько миниатюр из этого вокального богатства, в том числе знаменитую "Икону". К сожалению, при его жизни не удалось этого исполнить. Скажу одно: я сделаю все от меня зависящее, чтобы музыка Свиридова звучала в мире.

Вот сейчас передо мной на стене — два его хороших портрета, но он живой стоит перед моими глазами. Я видел его не только в привычных для всех черных очках с аскетическим лицом, чем-то напоминавшим лицо Жана Габена. Он ведь был и балагуром, обладавшим редким даром рассказчика, и, со своей великолепной памятью, был кладезем интереснейших и очень смешных историй. Помню, однажды я буквально свалился со стула после его рассказа. А как он знал поэзию, вообще литературу! Вот таким я его и буду всегда помнить, моего старшего друга и в каком-то смысле наставника.

Виктор АСТАФЬЕВ, писатель:

 Так получилось, прошлый год в основном "подбирал" актеров, а нынешний — начал с музыканта. Мы со Свиридовым были хорошими знакомыми. Скромный, сдержанный, он был человеком огромной внутреннеи культуры. несуетн знавшим цену своему таланту. Я о нем писал к одному довольно давнему уже юбилею, кажется, к 70летию, и назвал великим композитором. Мне говорили тогда: ну это ты, Виктор, хватил через край... Да ничего не хватил, я и сейчас скажу, что ушел последний великий русский композитор, равных ему не вижу. Свиридова не заменить, Россия потеряла свою музыкальную душу.

Смерть Георгия Свиридова — громадная потеря и для нас, "трудовцев". Осознавая значение его творчества и личности, мы старались, в меру сил, рассказывать читателям о жизни его музыки, о нем самом. Мы знали, что и сам Георгий Васильевич был нашим постоянным читателем, внимательно, заинтересованно изучал публикации "Труда", прежде всего те, которые посвящены культуре, нередко звонил в редакцию, когда что-то особенно задевало за живое... Он был настоящим требовательным другом газеты и таким навсегда останется в нашей памяти.

Публикацию подготовили Сергей БИРЮКОВ, Любовь РАК, Виссарион СИСНЁВ, Полина СОЛОВЕЙ.